PG3470
.S365
D4

Lev Semenov
Диктаторъ

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3470
.S365
D4

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/diktatorpolitich00seme

МКО 31 88/87
PG3470
.S365
D4

ЛЕВЪ СЕМЕНОВЪ.

ДИКТАТОРЪ.

Политическая фантазія.

Цѣна 10 коп.

2723

МОСКВА,
1907.

Пп 8595
В/30078

БИБЛІОТЕКА
Фунд.

Диктаторъ.

(Политическая фантазія).

I.

И Петербургъ, и провинція были какъ громомъ поражены объявленнымъ Сенату Высочайшимъ Указомъ, въ силу коего въ видахъ объединенія власти и прекращенія смуты, грозившей полнымъ разложеніемъ государству, назначался Верховнымъ Императорскимъ Уполномоченнымъ по всѣмъ частямъ гражданскаго управленія и Главнокомандующимъ арміей и флотомъ командиръ Красногорскаго полка полковникъ Ивановъ 16-й съ производствомъ въ генералъ-маіоры и назначеніемъ генералъ-адъютантомъ.

Объ этомъ полковникѣ Ивановѣ 16-мъ никто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Газетные репортеры не могли дать рѣшительно никакихъ свѣдѣній. Бросились въ Военное Министерство, но тамъ могли только узнать, что полковникъ Ивановъ 16-й дѣйствительно существуетъ, командуетъ полкомъ всего годъ, ровно ничѣмъ выдающимся не отмѣченъ и имѣетъ послужной списокъ самый скромный и, можно сказать, безцвѣтный. Изъ дворянъ, воспитаніе получилъ въ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ прошелъ Павловское военное училище и Инженерную Академію, откуда выпущенъ въ строй. Командовалъ ротой въ саперномъ баталіонѣ. Раненъ на рекогносцировкѣ подъ Шахэ и награжденъ золотымъ оружіемъ. Лѣтъ отъ роду 35. Женатъ и жена имѣетъ 420 десятинъ въ Новгородской губерніи. Вотъ и все.

Этотъ формуляръ ровно ничего не говорилъ. Такихъ офицеровъ у насъ тысячи и почему именно на Ивановѣ 16-мъ остановился выборъ Государя, являлось ничѣмъ не объяснимымъ. Больше всѣхъ были заинтригованы придворныя сферы, гдѣ о будущемъ диктаторѣ никто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія и самое имя Иванова никогда не произносилось.

Не знали даже, гдѣ новый правитель государства. Газетныя свѣдѣнія были противорѣчивы. Однѣ газеты сообщали, что Ивановъ уже въ Петербургѣ и находится въ Царскомъ Селѣ, другія, что онъ ѣдетъ откуда-то съ Дальняго Востока.

Недоразумѣніямъ положила конецъ краткая замѣтка, появившаяся на слѣдующій день въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

«Верховный Императорскій Уполномоченный сегодня, въ 11 ч. утра,

будетъ принимать въ Зимнемъ Дворцѣ гг. министровъ, членовъ св. С нода и Правительствующаго Сената».

II

Съ $10^1/_2$ часовъ утра на Дворцовой площади начали вытягивать нѣсколько линій каретъ и колясокъ, а въ залахъ столпившіе первые чины государства въ полной парадной формѣ съ волненіемъ тревогой ожидали выхода молодого диктатора.

Ровно въ 11 часовъ, въ Георгіевскій залъ, гдѣ огромнымъ покоем размѣстились присутствовавшіе сановники, вышелъ генералъ-адъютант Ивановъ.

Это былъ совсѣмъ еще молодой генералъ, небольшого роста, худ щавый, съ красивыми чертами лица и острыми, насквозь пронизыва шими, сѣрыми глазами. Онъ вышелъ просто и увѣренно, подошелъ под благословеніе митрополита Антонія, сдѣлалъ общій поклонъ и громким металлическимъ голосомъ сказалъ слѣдующее:

„Ваши высокопреосвященства
и милостивые государи!

„Его Величество Государь Императоръ, нравственно истерзанный измученный вотъ уже третій годъ тянущеюся смутой, грозящей Росс разложеніемъ и гибелью, рѣшилъ положить ей конецъ и для этого при звалъ меня и облекъ Своимъ высокимъ довѣріемъ и властью. Эту власт я рѣшился принять только какъ полную, единую и безусловную. Умир творивъ Россію, возстановивъ въ ней всеобщее довѣріе, твердую власт свободу и порядокъ, я сложу мои полномочія къ стопамъ Монарха вернусь къ моему скромному дѣлу. Знаю хорошо, что меня ожидаетъ готовъ къ этому. Меня могутъ убить сегодня, завтра или въ любую м нуту. Но мое мѣсто займетъ тотчасъ-же другой, столь-же вамъ неизвѣс ный Ивановъ, за нимъ третій и т. д.; преемственность наша уже нам чена и установлена и перерыва въ работѣ не будетъ никакого. Пр грамма опредѣлена твердо и будетъ выполнена неуклонно. Она очен проста.

„Россія тяжко больна—ее нужно вылѣчить. Лѣкарство для велико страны—не теорія, не доктрина, а здравый смыслъ. Онъ затуманился исчезъ у насъ за странными и нелѣпыми понятіями о либерализмѣ, реа ціи и т. п. Его надо отыскать и возстановить, и тогда только станет возможно правительству править, а народу жить.

„Въ этомъ вся моя программа и другой у меня нѣтъ никакой. вотъ, я приглашаю васъ: вы, отцы и владыки, приложите всѣ усил оживить и возстановить дѣятельность Церкви. Безотлагательно должен быть созванъ Россійскій Помѣстный Соборъ. Безъ колебаній и шатан должна православная Церковь подать свой руководящій голосъ и ук зать народу его высшія цѣли и обязанности. Вамъ, владыко святы

лакъ первосвятителю Церкви Русской, предстоитъ сказать твердое и мужественное слово и я прошу васъ, не дальше, какъ завтра, произнести достойное васъ слово съ соборной каѳедры. Оно должно, какъ благовѣстъ, пронестись надъ Русью. О подробностяхъ условимся сегодня.

„Васъ, господа Сенатъ, какъ представителей единственнаго нерасшатаннаго смутою высшаго учрежденія Россіи, я прошу твердо встать на защиту закона и порядка. Моимъ первымъ шагомъ должно быть возстановленіе значенія Сената, какъ высшаго правящаго органа въ Имперіи и я прошу гг. первоприсутствующихъ безъ малѣйшаго промедленія представить мнѣ свои объ этомъ соображенія. Вамъ вскорѣ предстоитъ широко поработать въ вашей законной роли государственнаго административнаго суда, передъ которымъ я поставлю очень крупныхъ обвиняемыхъ. И если правдѣ суждено возсіять въ Россіи, это будетъ вѣнцомъ вашихъ, господа, усилій.

„Наконецъ, съ вами, господа министры и начальники правящихъ вѣдомствъ, мнѣ предстоитъ подробная бесѣда съ каждымъ въ отдѣльности. Здѣсь я долженъ сказать вамъ, какъ объединенному кабинету, только одно, что именно единства не доставало вамъ до сихъ поръ, столько-же единства замысла и творчества, какъ и единства исполненія. Наши вѣдомства, во-первыхъ, совсѣмъ не знаютъ Россіи, во-вторыхъ, до сихъ поръ представляли не части одного великаго организма, а особыя государства, вѣрнѣе, страны свѣта, связанныя только тѣмъ, что нарисованы на одномъ глобусѣ. Я постараюсь дать вамъ это единство, а васъ прошу дружно и добросовѣстно мнѣ въ этомъ помочь".

III.

Произнесенная ясно, просто и съ спокойной увѣренностью рѣчь произвела на присутствующихъ сильное впечатлѣніе. Сдѣлавъ снова общій поклонъ, генералъ-адъютантъ Ивановъ удалился изъ залы. Митрополиты, архіереи и сенаторы двинулись къ выходу, министры столпились въ кружокъ, обмѣниваясь впечатлѣніями.

— Г. предсѣдатель Совѣта министровъ, Императорскій Уполномоченный просятъ васъ къ себѣ,—провозгласилъ дежурный адъютантъ.

Столыпинъ отдѣлился отъ группы министровъ и направился въ небольшой кабинетъ, гдѣ былъ Ивановъ. Двери затворились и они остались одни.

— Садитесь,—началъ диктаторъ,—и выслушайте меня внимательно. Моею первою мыслью, получивъ это назначеніе, было — разстаться съ вами. И не только разстаться, но торжественно предать васъ суду, какъ одного изъ главныхъ виновниковъ обостренія смуты. Вы, вмѣсто того, чтобы предостеречь Государя и честно открыть Ему глаза на все безуміе второго парламентскаго опыта въ Россіи—стали сами усердно играть въ конституцію. Вы довѣрились темной личности—господину Крыжановскому и стали устраивать съ нимъ выборную комедію; вы развели гнусную

оффиціозную печать, которая только компрометтируетъ правительство. Вы пошли въ народъ съ подкупомъ и соблазномъ, бросая въ грязную агитацію правительственныя мѣропріятія, ломавшія и законодательство, и всѣ устои народнаго быта, чтобы только задобрить деревню и выиграть мужицкіе голоса. Это называлось у васъ законодательствомъ по 87-й статьѣ! За одно это вы уже заслуживаете самаго строгаго суда.

— Таково было единогласное требованіе и общества, и народа,—пытался оправдаться министръ.

— Это была ваша фантазія. Ваши мѣры вызвали общій и дружный протестъ со всѣхъ сторонъ. Но самое ужасное это то, что новые законы безповоротно скомпрометтировали самую идею власти. Народъ понялъ, что бюрократія готова на всякую ломку, на всякую подачку, лишь-бы сохранить за собою власть. Поняли, что вы хлопочете не о благѣ Россіи, а объ успѣхѣ на выборахъ. И что-же? Получили-ли вы, чего хотѣли? Нѣтъ, васъ закидали черняками, вамъ прислали соціалистовъ, анархистовъ и смутьяновъ еще въ большемъ числѣ. Не правда-ли, какъ хорошъ вашъ парламентъ!

Столыпинъ молчалъ.

— Затѣмъ все ваше управленіе было рядомъ самыхъ постыдныхъ колебаній, простите мнѣ это выраженіе—сплошнымъ виляньемъ хвостомъ. Одной рукой вы поддерживали монархическія организаціи, рисуясь передъ ними чуть не черносотенцемъ. Другой рукой вы удерживали мѣстныя власти отъ всякихъ серіозныхъ мѣръ противъ анархіи. Вы шли на уступки тамъ, гдѣ объ уступкахъ не могло быть и рѣчи, гдѣ только твердость власти и могла произвести нужное впечатлѣніе...

Диктаторъ замолчалъ на минуту и, не слыша возраженій, продолжалъ, смягчая тонъ:

— Но я долженъ быть справедливымъ. Рядомъ съ этими темными сторонами вашей дѣятельности есть и свѣтлыя, и ради нихъ вамъ не только можно простить то, что вы надѣлали, но и возможна дальнѣйшая работа съ вами. Вы не испугались военно-полевыхъ судовъ—это разъ. Вы обновили составъ полиціи, и особенно губернаторовъ, и подняли ее на большую высоту—это два. Вы прекрасно осадили революціонные элементы въ Думѣ это три. Вы лично мужественный и толковый работникъ, не боящійся отвѣтственности. Замѣнить васъ очень трудно. Рука объ руку съ вами мнѣ удастся сдѣлать многое. Могу я на васъ разсчитывать?

Ивановъ протянулъ руку.

— Честно, искренно, душа въ душу? Наградъ у меня для васъ никакихъ нѣтъ. Наша награда—благо родины и судъ исторіи. Жертвы и опасности сплошныя, да вы это сами хорошо знаете. Не сердитесь же на меня за горькое слово и будемъ работать.

Столыпинъ молча пожалъ протянутую руку. Собесѣдники взглянули другъ на друга и сердечно обнялись.

IV.

Министръ повернулся было, чтобы уходить, но Императорскій Уполномоченный остановилъ его:

— Еще два слова. Время дорого и я буду кратокъ. Слушайте-же и примите къ сердцу то, что я вамъ скажу. Парламентаризмъ въ Россіи, какъ вы сами теперь видите, ложь и обманъ. Возвратъ къ старому режиму невозможенъ. Бюрократія отжила свой вѣкъ, опозорила и разорила Россію и вызвала къ себѣ такую ненависть, съ которой намъ съ вами не справиться. Нужно вступать на новый путь. Иной, кромѣ царской и самодержавной, верховной власти въ Россіи быть не можетъ. Но подъ нее нужно подвести совсѣмъ иной фундаментъ. Этотъ фундаментъ—широкое самоуправленіе, которое должно всецѣло замѣстить бюрократію. Все будущее Россіи въ земствѣ, поставленномъ какъ первооснова государственнаго зданія. Выдѣлите изъ области государственной работы все, что имѣетъ мѣстный характеръ—только тогда съ своимъ дѣломъ будетъ въ состояніи справляться центральное правительство. Мѣстную работу отдайте самоуправляющимся земствамъ. Организуйте уѣздъ въ совершенно самостоятельную единицу. Группа уѣздовъ, однородныхъ по этнографическимъ, хозяйственнымъ и бытовымъ свойствамъ, должна составить самоуправляющуюся область, обнимающую раіонъ нѣсколькихъ губерній. Это должно быть нѣчто въ родѣ штата Сѣверной Америки. Вотъ, нашъ типъ государства. Союзъ этихъ штатовъ съ самодержавнымъ Царемъ во главѣ и будетъ искомой нашей государственной организаціей. Только при этихъ условіяхъ станетъ возможною работа центральнаго правительства, только при такой постановкѣ самодержавія на основахъ самоуправленія будутъ обезпечены какъ свобода отъ нынѣшней чудовищной надо всѣмъ опеки бюрократіи, такъ и порядокъ, ибо настоящаго порядка изъ Петербурга устроить нельзя, не обращая всей страны въ огромныя арестантскія роты.

Областное дѣленіе намѣчается само собой; его требуетъ и указываетъ жизнь, его не нужно выдумывать, а только развить и завершить. Смотрите: Финляндія, Польша, Прибалтійскій край, Кавказъ, Туркестанскій край—все это области уже совершенно очерченныя. Организуйте по областямъ и остальную Россію. Что общаго между Сѣвернымъ краемъ и Малороссіей, между Заволжьемъ и черноземнымъ или промышленнымъ районами? А Сибирь? Какимъ яркимъ ключемъ забьетъ повсюду жизнь, какъ воспрянетъ русскій человѣкъ, когда окончится нашъ проклятый Петербургскій шаблонъ и всеобщее обезличеніе! И какъ будетъ легко править двумя десятками областей, вызвавъ въ общій центръ ихъ лучшія рабочія силы и изъ нихъ составивъ всѣ государственные органы. Это будетъ государственное устройство, которому позавидуетъ Америка. Какой чудный обликъ и какую несокрушимую силу пріобрѣтетъ Русскій Самодержавный Царь, окруженный не оподлѣвшей

бюрократической кастой, не гнилой придворной средой, а истинными выборными всей земли, ея лучшими работниками!

— Вы вводите автономизмъ и федеративное начало. А если это будетъ ослабленіемъ государственнаго единства Россіи?—замѣтилъ Столыпинъ.

— Оставьте эти пошлыя книжныя опредѣленія,—живо возразилъ диктаторъ.—Мысль объ областяхъ взята не изъ книжки; она красною нитью проходитъ черезъ всю русскую исторію. Полное самоуправленіе областямъ давалъ Іоаннъ Грозный. Областное дѣленіе являлось необходимымъ условіемъ для каждаго самостоятельнаго русскаго государственнаго ума отъ Пестеля, либерала и революціонера, до крайняго консерватора Фадѣева. Я глубоко вѣрю, что государственная связь Россіи не ослабнетъ, а только окрѣпнетъ при широкомъ областномъ самоуправленіи. Отчего такъ легко править Вильгельму, какъ германскому императору? Да оттого, что вся мѣстная работа лежитъ на союзныхъ правительствахъ, что всѣ эти Баварскіе, Саксонскіе и Виртембергскіе короли суть только предсѣдатели мѣстныхъ земскихъ управъ и несутъ на себѣ всю черновую работу управленія. Вы говорите: ослабнетъ связь? А нынѣшнее полицейское единство прочно? Неужели вы не замѣчаете, что эта связь совершенно сгнила и, если мы не дадимъ другой, свободной и широкой, то Россія развалится отъ одной ненависти своихъ составныхъ частей къ Петербургу? Вонъ, Менделѣевъ и карту областей далъ.

Ивановъ остановился и взглянулъ на часы.

— Простите. Серьезный и подробный разговоръ объ этомъ впереди. Въ этомъ главная наша реформа и я увѣренъ, что когда вы хорошенько вдумаетесь въ вопросъ, я найду въ васъ самаго ревностнаго и убѣжденнаго сотрудника.

Диктаторъ подалъ Столыпину руку и проводилъ его до двери.

V.

Статсъ-секретарь Коковцевъ, провозгласилъ адъютантъ.

Министръ финансовъ вошелъ и приготовился слушать. Диктаторъ началъ безъ всякихъ предисловій.

— Мнѣ предстоитъ, Владиміръ Николаевичъ, здѣсь же, въ бесѣдѣ съ вами рѣшить вопросъ о возможности совмѣстной работы. Долженъ васъ предупредить. Я не финансистъ, а диллетантъ. Но, слѣдя за всѣмъ движеніемъ общественной и государственной жизни, я не могъ не видѣть, что въ основѣ хода и той и другой лежитъ экономическая политика государства. Сытая и благоденствующая страна плохой матеріалъ для революціи. Въ раззоренной и голодающей, наоборотъ, неудершимъ никакой порядокъ, никакой гражданскій строй. Естественно, что я счелъ своимъ долгомъ хотя настолько ознакомиться съ экономикой и финансами, чтобы не стоять, безпомощно разинувъ ротъ, передъ спеціали-

стомъ. Это въ видѣ предисловія, а теперь перехожу къ дѣлу. Какъ вы смотрите на финансовое положеніе Россіи?

— Безъ займа намъ не выйти. Но такъ какъ ваше назначеніе связано, какъ можно думать, съ немедленнымъ роспускомъ Думы, то я совершенно не вижу возможности сдѣлать заемъ.

— На займы ставьте крестъ, Владиміръ Николаевичъ. Ихъ больше не будетъ. Давайте думать, какъ выйти безъ займа.

— Если мы не заключимъ займа, будетъ дефицитъ примѣрно въ 300 милліоновъ рублей. Мы можемъ, конечно, расходовать нашъ золотой запасъ, но въ такомъ случаѣ валюта неудержима и наступитъ крахъ.

— А вы, конечно, стоите за поддержаніе золотой валюты?

— Я не могу себѣ представить большаго несчастія, какъ возвратъ къ бумажнымъ деньгамъ, колеблющемуся курсу и т. д. Неужели Россія приносила такія жертвы для установленія у себя хорошей и прочной денежной системы, чтобы въ одинъ прекрасный день пустить все на смарку?

— Хорошо. Я не стану васъ опровергать, но я предложу вамъ, какъ министру финансовъ, отвѣтить на слѣдующій вопросъ. Сельское хозяйство ни частное, ни крестьянское, не можетъ идти безъ оборотнаго капитала. Денегъ въ народѣ нѣтъ вовсе. Деревня разорена совершенно. Отсюда всякіе аграрные вопросы, стремленіе захватить помѣщичьи земли, возможность новой пугачевщины. Первое средство успокоить сельскую Россію—это влить въ деревню посредствомъ мелкаго кредита по меньшей мѣрѣ милліардъ рублей. Ваша денежная система можетъ это сдѣлать или нѣтъ?

Коковцовъ вынулъ изъ кармана бумажку и подалъ диктатору.

— Вотъ справка о состояніи средствъ нашихъ главныхъ банковъ въ эту минуту. Никакого безденежья не замѣчается, кассы полны.

Ивановъ вспыхнулъ.

— Неужели же вы не понимаете, что эта справка не опровергаетъ, а только подтверждаетъ то, что я говорю? Да, въ банкахъ скопились свободныя средства, потому что остановились всѣ промышленныя дѣла, закрыты кредиты, никто не платитъ, банковыя кассы должны имѣть огромные резервы въ наличности. Да, въ банкахъ деньги есть, но въ деревню не попадаетъ изъ нихъ ни одной копѣйки. Вы сами останавливаете всю промышленность, такъ какъ держите учетную норму въ $7^1/_2$ процентовъ по трехмѣсячнымъ векселямъ, заставляя частные банки брать 10 и 12. Какое промышленное дѣло можетъ это выдержать? Я ставлю вамъ совершенно опредѣленный вопросъ: можете ли вы создать для народнаго кредита капиталъ въ милліардъ рублей и притомъ своими средствами, безъ всякихъ займовъ?

— Машинъ въ экспедиціи достаточно, можно напечатать хоть пять...

Диктаторъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, но сдержался.

— Я знаю, что вы хотите сказать. Вы грозите, что можно сорвать

валюту и начать наводнять Россію бумажками, да? Хорошо. Пусть вы правы. Но тогда, что же по вашему? Стеречь валюту, отказаться отъ поднятія хозяйства и устройства народнаго кредита? Оставить деревню въ томъ ужасномъ видѣ, какъ сейчасъ? Продолжать строить государственный бюджетъ на спаиваніи и обираніи народа? Отвѣтьте же мнѣ, какъ *вамъ* представляется выходъ?

— Ваше превосходительство! У меня есть мои твердо сложившіяся воззрѣнія. Я не сторонникъ финансовыхъ экспериментовъ и могу вамъ поручиться, что не я буду тотъ министръ финансовъ, который вывѣситъ объявленіе въ Государственномъ Банкѣ о прекращеніи размѣна.

— Высоко цѣню твердость вашего характера и просилъ-бы васъ отвѣтить мнѣ на послѣдній вопросъ. Вы знаете, чего я хочу. Кто могъ-бы отвѣтить этимъ задачамъ въ роли министра финансовъ? Къ кому мнѣ обратиться?

— Да чего-же лучше? Вотъ вамъ Сергѣй Юльевичъ. Онъ уже категорически отрекается отъ золотой валюты и будетъ готовъ на всякія реформы, какія вамъ угодно.

— Нѣтъ, съ Витте у насъ будетъ разговоръ совсѣмъ о другомъ.

— Ну, тогда возьмите Шипова. Иванъ Павловичъ уже писалъ кстати и докладъ объ уничтоженіи золотой валюты.

VI.

Вслѣдъ за Коковцовымъ въ кабинетъ диктатора былъ вызванъ Государственный контролеръ. Шванебахъ вошелъ истымъ царедворцемъ, съ пріятнѣйшей улыбкой и низкимъ поклономъ.

— Бью челомъ представителю молодости, свѣжести и энергіи. Ваше превосходительство омолодите насъ стариковъ...

— Садитесь, Петръ Христіановичъ и будемте кратки. Я нарочно пригласилъ васъ послѣ Коковцова, съ которымъ мы, кажется, больше не увидимся. Вы о немъ сожалѣть не будете?

— Ваше превосходительство, у Мопассана есть прелестный разсказъ...

— Нѣтъ, Бога ради, оставимъ Мопассана. Вы единственный человѣкъ, хорошо знакомый съ нашими финансами, у васъ огромный опытъ, вы дали прекрасныя работы по финансамъ. Нынѣшняя финансовая система никуда не годна и привела насъ къ раззоренію и революціи. Намъ остается два выхода: или перейти къ нашей старой серебряной валютѣ, которая дастъ намъ нужныя средства для подъема народнаго хозяйства, или сдѣлать шагъ еще болѣе смѣлый и перейти прямо на бумажныя деньги. Я хочу услыхать ваше мнѣніе.

— Я долженъ покаяться — вы меня ставите въ затрудненіе. Я не сторонникъ политики графа Витте и писалъ противъ золотой валюты, но я еще менѣе склоненъ рекомендовать переходъ къ серебру и уже считаю совершенною ересью бумажныя деньги.

— Но тогда я васъ совсѣмъ не понимаю. Если не золото, не се-

ребро и не бумажки, то тогда что-же? Четвертаго, сколько мнѣ извѣстно, ничего не открыто. Между тѣмъ, мнѣ нуженъ выходъ.

Диктаторъ повторилъ сказанное Коковцову по поводу народнаго кредита и поставилъ Шванебаху тотъ-же вопросъ. Контролеръ выслушалъ внимательно и, казалось, былъ въ величайшемъ затрудненіи.

— Признаюсь, ваше превосходительство застаете меня совершенно врасплохъ. Это надо обдумать. Усиленіе денежнаго обращенія цѣлымъ милліардомъ рублей независимо отъ вопроса, какъ эти деньги получить, вноситъ такое усложненіе въ государственное хозяйство, которое учесть очень трудно.

— Да, но это требованіе безусловное. Если ему не можетъ удовлетворить современная денежная, система, значитъ, она не годится и нужна иная. И вотъ, объ этомъ я и хотѣлъ услыхать ваше мнѣніе.

— Я могу сказать только одно: золотая валюта неудержима. Поддерживать размѣнъ цѣною народнаго раззоренія немыслимо. Покинуть ее необходимо. Я думаю, что было бы возможно, не связывая себя ничѣмъ, допустить нѣкоторое паденіе курса и затѣмъ удерживать его въ благоразумныхъ предѣлахъ.

— Что-же это будетъ такое? Золотая система безъ размѣна на золото? Впрочемъ, пусть себѣ называется какъ угодно, только достаньте средства для народнаго кредита.

— Но выпущенный милліардъ рублей сдѣлаетъ курсъ неудержимымъ, уронитъ его стремительно!

— Почему? Развѣ это не будетъ вполнѣ производительная затрата? И какимъ образомъ знаки, которые войдутъ въ народное обращеніе и будутъ имъ удержаны, могутъ уронить курсъ? Какое дѣйствіе этотъ милліардъ обнаружитъ на нашъ разсчетный балансъ?

— Повторяю вашему превосходительству, что я не могу такъ сразу отвѣтить на ваши вопросы. Я полагалъ, что наша бесѣда пойдетъ по ближайшему предмету моего вѣдомства.

— А что-же говорить о вашемъ вѣдомствѣ? У васъ давнымъ давно установился девизъ, которому и вы неукоснительно слѣдуете: *ни съ кѣмъ не ссориться*. При бюрократическомъ строѣ, Контроль, какъ *вѣдомство*, инымъ быть и не можетъ.

— Какъ же вы надѣетесь измѣнить это положеніе?

— Въ такомъ необъятномъ государствѣ, какъ Россія, контроль не можетъ быть „вѣдомствомъ“. Это дѣятельность, составляющая главную силу государственной власти и важную задачу управленія, должна принадлежать такому-же спеціальному высшему установленію, какъ Сенатъ, стоящему непосредственно около Монарха и составленному изъ земскихъ выборныхъ людей. Затѣмъ контроль государства, стоящаго выше всякихъ партій, пристрастій и мѣстныхъ интригъ, долженъ идти въ самую глубину мѣстной жизни и проникать въ самоуправленіе до послѣдней об-

щественной ячейки. Здѣсь государство должно быть абсолютнымъ, полновластнымъ и неумолимымъ.

— Какая огромная задача!

— Да, и именно въ вашемъ вѣдомствѣ множество молодыхъ силъ для ея прекраснаго выполненія. Но, благодаря вашимъ верхамъ, эти силы совершенно пропадаютъ...

VII.

Государственный контролеръ откланялся и вслѣдъ за нимъ появился Кауфманъ, министръ Народнаго Просвѣщенія.

— Ну-съ, господинъ командиръ безъ арміи,—началъ диктаторъ, указывая министру на кресло противъ себя,—гдѣ-же мы съ вами будемъ разыскивать русское просвѣщеніе? Осталось-ли у васъ хоть одно высшее учебное заведеніе работающее?

— Да, дѣло плохо. Революція захватила всю молодежь поголовно.

— При добромъ содѣйствіи начальства. Не правда-ли, какъ во время дана автономія? Но все-таки, что-же вы предполагаете дѣлать? Какъ вы смотрите на будущее?

— Я думаю, что успокоеніе молодежи стоитъ въ тѣсной зависимости отъ общаго успокоенія страны. Когда все войдетъ въ норму, тогда и въ учебныхъ заведеніяхъ кончатся волненія... Мы теперь стараемся спасти что можно. Пусть хоть нѣкоторая часть студенчества выдержитъ экзамены и не будетъ выброшена на улицу.

— Это не экзамены, а позоръ,—гнѣвно перебилъ диктаторъ.—Министерство закрываетъ глаза на самыя вопіющія безобразія и хлопочетъ только о томъ, чтобы какъ-нибудь соблюсти внѣшнюю видимость. Я знаю, какъ держатся экзамены. Студентъ беретъ билетъ и тутъ-же въ сторонкѣ прочитываетъ соотвѣтствующую часть курса по тетрадкѣ. И что-бы онъ ни говорилъ, какую-бы дичь ни несъ, профессоръ не смѣетъ поставить плохую отмѣтку. И съ этимъ всѣ мирятся, это называется государственными экзаменами. Безграмотные люди съ дипломами высшаго образованія!

— Я не вижу, какимъ образомъ мы могли-бы въ это дѣло вмѣшаться.

— Это несчастное поколѣніе надо считать погибшимъ,—не отвѣчая министру, продолжалъ диктаторъ.—Нужно спасать по крайней мѣрѣ будущія поколѣнія, спасать русскую науку. Я не вѣрю въ возможность казенной науки, казенной школы, кромѣ, конечно школъ спеціально военныхъ и морскихъ. Казенная наука есть величайшая ложь, которую мы когда-нибудь видали. Необходимы рѣшительныя и крутыя мѣры. Автономія казенныхъ университетовъ—чудовищный самообманъ. Необходимо дать наукѣ полную свободу, полный просторъ. Пусть каждый учится гдѣ угодно, чему угодно, у кого угодно. Задача правительства — только надзоръ, чтобы публичная школа не развращала учащихся. Отсюда выводъ: всякіе дипломы должны быть уничтожены, всѣ казенныя высшія школы упразднены. Университетскія зданія, лабораторіи, всѣ пособія,

библіотеки и пр. могутъ сдаваться въ аренду группамъ профессоровъ, которые пожелаютъ открыть тотъ или иной факультетъ. Расходы должны покрывать сами учащіеся. Есть-ли что безнравственнѣе, чѣмъ брать деньги съ нищаго народа, чтобы воспитывать современную невѣжественную и гнусную интеллигенцію? Затѣмъ средняя и низшая школа. И здѣсь принципъ тотъ-же: казнѣ, правительству, кромѣ надзора дѣлать нечего. Пусть родители сами основываютъ школы, какія имъ угодно и за свой счетъ. Низшія школы пусть основываютъ и содержатъ приходы и селенія, среднія города и земства...

— Но у насъ уже принятъ принципъ всеобщаго обученія...

Диктаторъ вспыхнулъ.

— Не говорите мнѣ объ этой гнусной и безнравственной затѣѣ. Міръ не видалъ большаго насилія, чѣмъ это обязательное вколачиваніе казенной науки тамъ, гдѣ ее совсѣмъ не желаютъ. Знаете-ли вы, что всеобщее обязательное обученіе есть только средство въ рукахъ республиканскихъ и масонскихъ правительствъ перевоспитать по своему народъ, потушить въ немъ историческія, національныя и монархическія чувства, убить вѣру и поставить въ полное подчиненіе бюрократіи? Желать этого для Россіи можетъ только ея предатель и злѣйшій врагъ. Русскій народъ жаждетъ неудержимо просвѣщенія, но въ своемъ историческомъ, бытовомъ и христіанскомъ духѣ. Помѣха ему только бѣдность. Улучшите экономическое положеніе народа, освободите Церковь, устройте широкое самоуправленіе и вся Россія, безъ казенной палки покроется школами, и эти школы понесутъ свѣтъ. Найдутся и подвижники для этого дѣла. Только лишь-бы къ нему не смѣлъ даже издали прикасаться чиновникъ.

Диктаторъ помолчалъ немного и круто перемѣнилъ тему разговора.

— Теперь о васъ лично. Вамъ наша высшая школа обязана въ огромной степени ея нынѣшнимъ ужаснымъ положеніемъ. Вы все время оказывали попустительство всякимъ безобразіямъ, а главное, вы разрѣшили пріемъ евреевъ безъ нормы. Полюбуйтесь на университеты кіевскій, московскій, одесскій.

— Я этого ожидалъ,—грустно сказалъ Кауфманъ,—и моя отставка въ карманѣ.

— Благодарю васъ. Передайте ее предсѣдателю Совѣта.

VIII.

Генералъ-адъютантъ Иваповъ взглянулъ на часы и сказалъ адъютанту, провожавшему министра юстиціи Щегловитова.

— Уже половина второго, въ три я въ думѣ. Будьте добры передать гг. министрамъ, что сейчасъ я приму только князя Васильчикова. Прошу садиться,—обратился диктаторъ къ Щегловитову,—и прибавилъ:

— Что намъ дѣлать съ судомъ?

Министръ грустно поникъ головой.

— Половина магистратуры въ рядахъ революціи. Но это не открытые бунтовщики, о, нѣтъ! Это добродѣтельные служители 20-го числа и пакостятъ своей родинѣ исподтишка. Скажите, задумывались-ли вы надъ тѣмъ, какъ вернуть этихъ господъ къ сознанію долга?

— Это страшно трудно. Судебное вѣдомство развращалось десятки лѣтъ. Чтобы подвигаться вверхъ, нужно было быть отъявленнымъ карьеристомъ. Это и сказывается теперь, когда дѣлаетъ карьеру не исполненіе долга, не честь и доблесть, а революція. Вопросъ почти неразрѣшимый.

— И, однако, его во что бы то ни стало надо рѣшать и рѣшать быстро, ибо при потворствѣ суда справиться съ анархіей невозможно. Что сказали-бы вы на такой пріемъ: произвести основательную чистку верховъ, чтобы навести страхъ на низы?

— Боюсь, что слишкомъ многихъ придется увольнять...

— А я, наоборотъ, думаю, что въ вашемъ вѣдомствѣ тонъ всей судебной корпораціи даетъ десятокъ, много полтора лицъ. Важно только разбить увѣренность, что именно эти лица неприкосновенны. Но этимъ вопросомъ мы успѣемъ еще заняться, а, главное, на очереди дѣло—это наши тюрьмы и политическіе заключенные. Вотъ, гдѣ истинное государственное бѣдствіе и самая большая опасность для Россіи. Скажите, у васъ по этому вопросу никакихъ предположеній не возникало?

— Обсуждалась амнистія...

— Мнѣ кажется иногда, что русскихъ гг. правящихъ Богъ минутами вовсе лишаетъ разума. Амнистія, т.-е. освобожденіе тысячъ завѣдомыхъ революціонеровъ, озлобленныхъ и абсолютно непримиримыхъ? Неужели въ этомъ есть хотя капля здраваго смысла?

— Но и такое положеніе, какъ сейчасъ, невозможно.

— Разумѣется. Выходъ необходимъ и выходъ немедленный. Вотъ, изъ какого принципа я исхожу: нѣтъ никакой возможности считать всю эту революціонную молодежь преступниками. Даже самые закоснѣлые, самые кровавые между ними должны разсматриваться только какъ больные, въ крайнемъ случаѣ, какъ помѣшанные. Правительство, которое всю эту молодежь сначала подготовило, затѣмъ своими преступленіями, глупостью и трусостью бросило въ революцію и сдѣлало преступниками, не имѣетъ никакого нравственнаго права ни казнить ихъ, ни даже карать. Неужели человѣка, бросающаго бомбу среди толпы женщинъ и дѣтей, можно считать нормальнымъ и отвѣтственнымъ? Его нужно лѣчить, какъ лѣчатъ безумцевъ. Но вашъ тюремный режимъ не лѣкарство, а окончательная гибель для юноши. Онъ поднимается вами въ герои, онъ закаляется лишеніями и страданіями и теряетъ всякую возможность возродиться. Съ другой стороны, оставаться среди общества онъ не можетъ. Что-же дѣлать поэтому? Мнѣ представляется единственный планъ, который очень прошу васъ принять къ сердцу и надлежащимъ образомъ обсудить. Всю эту революціонную молодежь необходимо изолировать, но не по тюрьмамъ. а на чистомъ воздухѣ, въ совершенно глухой мѣстно-

сти, въ деревнѣ. Представьте себѣ, что гдѣ-нибудь въ хорошемъ климатѣ вы отдѣляете тысячъ двадцать или тридцать десятинъ, строите временные бараки, или датскіе домики, что-ли, устраиваете сельское хозяйство въ цѣломъ рядѣ хуторовъ и разныя техническія производства, и пускаете туда всю содержащуюся у васъ безумную молодежь, предоставляя ей устраивать соціальный распорядокъ какой ей угодно, на полной свободѣ, но съ безусловнымъ запретомъ всякаго общенія съ внѣшнимъ міромъ. Всѣ средства для правильной работы и дальнѣйшаго образованія государство должно дать, а главное, прекрасную серьезную библіотеку. Кругомъ военный кордонъ, предупреждающій всякую возможность побѣга. Прежде всего вы очищаете отъ политическихъ всѣ тюрьмы и всѣ мѣста ссылки, отправляя всѣхъ туда. Затѣмъ туда-же пойдутъ всѣ, кому не по нутру современный общественный строй и кто желаетъ силкомъ насаждать строй соціальный. Пожалуйте, изучите сначала на опытѣ, въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, у васъ скопятся въ одномъ мѣстѣ всѣ герои революціи и апостолы соціализма. Выигрышъ будетъ огромный, такъ какъ теперь эти господа только разносятъ политическую заразу. Затѣмъ—всякому мученичеству конецъ. Ореолъ героя смѣняется простой горячечной рубашкой. Это тоже плюсъ немалый. Наконецъ—экономія. Содержаніе этихъ господъ въ такомъ лагерѣ будетъ стоить неизмѣримо дешевле для казны, чѣмъ теперь—тамъ всѣ будутъ обязаны работать. Вы себѣ представляете, что получится?

— Я думаю, прежде всего эти господа страшно всѣ перегрызутся.

— Это ничего, лучше сказать, это-то и хорошо. Теорія всеобщаго равенства и соціальнаго благоденствія окажется сразу несостоятельной. Явится чрезвычайно деспотическое начальство, противъ котораго пойдутъ возстанія и революціи и, наконецъ, всѣ хоромъ станутъ звать городового. Но городовой черезъ эту ограду переступить не смѣетъ. Спасенія отъ деспотизма и анархіи не будетъ — и этотъ ужасъ отрезвитъ очень многихъ. На нашъ старый презрѣнный буржуазный строй станутъ смотрѣть, какъ на нѣчто драгоцѣнное и справедливое, въ государствѣ будутъ видѣть не деспотическую власть насильника, а безпристрастнаго защитника всѣхъ. И вотъ, тогда приносите, господа, повинную, отрекайтесь отъ утопій и пожалуйте въ нашъ старый міръ. И повѣрьте, всѣ придутъ, никого не останется, ибо утопія, логически развиваясь, не можетъ не дать абсурда. Вы понимаете теперь, чѣмъ дорога эта идея и почему я ставлю ее на первый планъ? Только этимъ путемъ мы возродимъ самыхъ закоснѣлыхъ преступниковъ, излѣчимъ самыхъ безнадежныхъ. Вотъ, почему я буду очень васъ просить: составьте спеціальную комиссію, пригласите туда хорошихъ техниковъ, агрономовъ. Разработайте мнѣ подробно этотъ проектъ Сумасшедшей Республики. Я даже мѣсто вамъ приблизительно намѣчу — гдѣ-нибудь около Оша, въ Ферганѣ, или по Иртышу между Семипалатинскомъ и Усть-Каменогорскомъ. Въ Европейской Россіи такого уголка не найти. Сдѣлайте также смѣту, чего все это будетъ сто-

ить и помните, что эту мѣру я считаю самой главной и самой неотложной въ борьбѣ съ революціей. А пока честь имѣю кланяться.

IX.

Щегловитова смѣнилъ князь Васильчиковъ.

— Нашъ съ вами разговоръ, дорогой князь, впереди и онъ будет долгій и серьезный. Теперь я едва буду въ состояніи намѣтить тольк главныя темы. Надѣюсь, что мнѣ, какъ ученику и глубокому почитателю вашего отца, воспитавшемуся на его произведеніяхъ, вы повѣрите: я счастливъ, имѣя васъ въ числѣ сотрудниковъ, да еще по такому важном отдѣлу, какъ земледѣліе и землеустройство. Время коротко и потому приступимъ прямо къ дѣлу. Скажите мнѣ, во-первыхъ, неужели это правда что вы, сынъ князя Александра Илларіоновича, стоите за уничтоженіе дворянскаго землевладѣнія? Я этому не могу вѣрить и потому вашей политики въ этомъ несчастномъ аграрномъ вопросѣ совершенно не понимаю.

— Я боюсь, что дворянство осуждено исторіей и что наша задача—помочь ему благополучно и по возможности безболѣзненно ликвидироваться.

— Князь! Какъ грустно мнѣ это слышать отъ васъ! Какая жестокая ошибка думать, что русское дворянство свою роль уже закончило и должно уступить мѣсто демократіи. Что такое демократія? Національное обезличеніе, пошлая нивеллировка умнаго и глупаго, культурнаго и дикаго, упраздненіе всѣхъ традицій, гибель всякаго генія и таланта и торжество грядущаго Хама? Этого-ли надо желать для Россіи? Затѣмъ съ упраздненіемъ дворянства вы соціальнаго умственнаго и экономическаго равенства все-же не введете, значитъ, въ общественномъ организмѣ кто нибудь будетъ занимать мѣсто верхняго класса. Кто-же, позвольте спросить? Вы хороните русское земельное дворянство и желаете имѣть американскихъ ситцевыхъ, нефтяныхъ и стеариновыхъ лордовъ? Вы снимаете гербъ и водружаете аршинъ. Я не отрицаю значенія и заслугъ русскаго купечества, но простите меня, ни Карнеджи и Рокфеллеры, ни Саввы Морозовы и Гучковы роли дворянства не сыграютъ. А русское дворянство было лучшимъ изъ лучшихъ. Въ немъ никогда не было и тѣни сословнаго эгоизма.

— Я вовсе не отрицаю великаго культурнаго значенія нашего дворянства, но вѣдь передъ нами-же фактъ на лицо: оно сходитъ со сцены, оно почти не борется ни за свою землю, ни за свое положеніе.

— О, какъ вы ошибаетесь! Оно не сходитъ со сцены само, его грубо выгоняютъ и упраздняютъ. Въ моментъ освобожденія крестьянъ три четверти земельнаго дворянства погибло отъ невозможности организовать свое хозяйство при безумной и предательской тогдашней финансовой политикѣ. Остальная часть кое-какъ приспособилась, но ея

начала раззорять и добивать финансовая политика Витте, сознательно подрывавшаго дворянство. Теперь окончательно ликвидируете вы.

— Мы только облегчаемъ неизбѣжный естественный процессъ.

— Бога ради, столкуемтесь. Неужели вы считаете нынѣшнее аграрное движеніе естественнымъ процессомъ? Неужели вамъ не ясно, что весь аграрный вопросъ заключается у насъ въ томъ, что голыми руками нельзя вести современнаго хозяйства, а вы заставляете это дѣлать и барина, и мужика. Чтобы имѣть высокую земледѣльческую культуру, необходимо, чтобы на каждую единицу площади обращался значительный оборотный капиталъ. У насъ его нѣтъ, такъ какъ Россія раззорена и совершенно обезденежена. Отсюда, мужикъ ковыряетъ кое-какъ свой надѣлъ и сидитъ голодный. Баринъ или вынужденъ закабалять мужика на свое хозяйство зимними наймами и безобразно низкой платой, или бросать хозяйство и обращаться въ земельнаго ростовщика, раздавая земли въ аренду за безбожную цѣну—безбожную при нашей безобразной культурѣ, конечно. Развѣ не величайшій абсурдъ, напримѣръ, наши жалобы на постоянный ростъ земельныхъ цѣнъ? Во всемъ мірѣ этому радуются, этимъ гордятся. Въ Германіи за десятину песка платятъ до 1000 марокъ, у насъ кричатъ, что 300 рублей за десятину великолѣпнаго чернозема грабительская цѣна. Да, весь народъ помѣшался на прирѣзкѣ земли, на раздѣлѣ помѣщичьей земли, на упраздненіи частныхъ экономій, которыя онъ возненавидѣлъ. Откуда это взялось, какъ не отъ истощенія земель и недостатка оборотныхъ средствъ, допускающаго только нищичество? Денежныхъ знаковъ у насъ не обращается и 10 р. на жителя, а много ли отсюда приходится на деревню? Когда мужикъ видитъ деньги? Какимъ образомъ вы его голоднаго, нищаго, пьянаго научите уважать культуру, которой онъ не видитъ, и собственность, когда онъ весь окруженъ самымъ безстыднымъ грабежемъ?

— Прибавьте сюда общину.

— Оставьте общину, князь. Она не причемъ. Она только равняла мужика, не давая Россіи обезземелиться и разбѣжаться, куда глаза глядятъ. Община не отучаетъ, а пріучаетъ къ собственности. Но у цея собственность иного вида, чѣмъ у насъ. Тамъ она семейная и основана не на мертвой буквѣ закона, а на вѣрной расцѣнкѣ труда каждаго изъ членовъ семьи. Эта расцѣнка изумительно точна. Крестьянская дѣвушка сегодня поденную плату несетъ большаку, а завтра прячетъ въ свой сундучекъ, потому что это ея личный заработокъ. И попробуйте изъ этого заработка взять хоть копѣйку. Смѣшно и жалко смотрѣть на ваши усилія разложить общину и разселить мужиковъ на хутора. Попробуйте, смѣните національный характеръ Великоросса, который немыслимъ безъ улицы, безъ міра, безъ тѣснаго сосѣдства. Я смотрю на общину не какъ на тормозъ, а какъ на лучшее орудіе къ поднятію сельскаго хозяйства, умѣйте только ее на это направить. И вотъ, объ этомъ, именно, я собирался съ вами говорить. Спасеніе Россіи не въ перераспредѣленіи

землевладѣнія, не въ уничтоженіи помѣстнаго класса и культурнаго хозяйства. Спасеніе въ народномъ кредитѣ. Съ этимъ вопросомъ нельзя медлить дня, часа! Но это дѣло финансоваго вѣдомства, а не ваше. Ваше дѣло направить всѣ усилія для техническаго подъема земледѣлія, для широкой организаціи агрономической помощи всѣхъ видовъ, для устройства переселеній. Переселенія не только устранятъ земельную тѣсноту, гдѣ она дѣйствительно есть, но и укрѣпятъ за нами окраины. И я не знаю, какая часть вопроса важнѣе. Остановка переселенческаго движенія есть величайшее преступленіе, оно можетъ намъ стоить Сибири. Затѣмъ необходима самая широкая постановка продовольственнаго вопроса. Онъ долженъ быть вновь переданъ земству, но центральное имъ завѣдываніе должно быть ваше. Государственный хлѣбный запасъ долженъ быть регуляторомъ цѣнъ на хлѣбъ и вмѣстѣ съ тѣмъ могущественнѣйшимъ рычагомъ къ поднятію земледѣлія. И здѣсь земства будутъ естественными вашими органами. Усердно прошу васъ немедленно-же поставить этотъ вопросъ на разработку въ связи съ реформою Крестьянскаго и Дворянскаго банковъ и мелiоративнаго кредита. Все это должно быть органически между собою связано.

X.

Къ двумъ часамъ министерскія аудіенціи были покончены. Наскоро позавтракавъ, генералъ-адъютантъ Ивановъ направился къ зданію Городской Думы, гдѣ были собраны человѣкъ триста рабочихъ отъ всевозможныхъ фабрикъ и заводовъ Петербурга, частныхъ и казенныхъ. Выбраны были люди по указанію заводскихъ управленій самые толковые и авторитетные въ своей средѣ. Въ залѣ, кромѣ рабочихъ, ожидали городскія власти, гласные думы, группа заводчиковъ и фабрикантовъ. Городской голова держалъ на блюдѣ хлѣбъ-соль.

Послѣ краткаго привѣтствія головы, на которое диктаторъ отвѣтилъ нѣсколькими словами, онъ подошелъ къ рабочимъ и, бѣглымъ взглядомъ окинувъ ихъ пеструю толпу, громко и внушительно произнесъ:

„Я вызвалъ васъ, чтобы поговорить съ вами, и прошу васъ въ мои слова хорошенько вдуматься, запомнить ихъ и передать тамъ у себя остальнымъ. Его Величество Государь Императоръ назначилъ меня Своимъ уполномоченнымъ и даровалъ мнѣ огромную власть, возложивъ на меня задачу прекратить смуту и привести Россію въ порядокъ. И я надѣюсь съ Божіей помощью это сдѣлать. Тѣ, кто затѣялъ въ Россіи революцію, начали съ васъ. Чтобы закончить революцію, я тоже начинаю съ васъ и говорю вамъ прямо: довольно безобразій! Стыдно русскимъ людямъ разыгрывать стадо барановъ и терять разумъ и совѣсть. Пора понять, что весь этотъ соціализмъ, борьба труда съ капиталомъ, профессіональныя организаціи и прочее, все это ложь, вздоръ и только предлогъ для разныхъ проходимцевъ забирать власть надъ рабочими въ свои руки и дѣлать въ государствѣ смуту, раззоряя прежде всего самихъ рабочихъ.

Скажите, что выгадали рабочіе за эти несчастные три года? Разсорили промышленность, разсорили сами себя, выбросили на улицу тысячи безработныхъ, озлились, озвѣрѣли, потеряли образъ Божій. Довольно, друзья мои! Знайте: лгутъ тѣ, кто проповѣдуютъ борьбу труда и капитала. Между ними борьбы быть не можетъ, ибо капиталъ и трудъ союзники, члены одного организма, а не враги. Безъ труда капиталъ несостоятеленъ и мертвъ, безъ капитала трудъ немыслимъ вовсе. Въ любовномъ союзѣ капиталъ и трудъ дѣлаютъ чудеса, во враждѣ гибнутъ оба, но раньше гибнетъ трудъ. Капиталистъ остановилъ дѣло, свернулся и ушелъ, а рабочій выброшенъ на улицу, на нищету и голодъ. Рабочему хорошо только тогда, когда свободно и выгодно капиталу. Не завидуйте, а радуйтесь, если предприниматель наживаетъ огромные барыши и богатѣетъ. Это ваша прямая польза. Барыши возбуждаютъ зависть въ другихъ, открываются новыя дѣла, являются новые капиталы. Этимъ капиталамъ нужны рабочія руки, ихъ не хватаетъ, и вотъ, капиталисты наперебой поднимаютъ заработную плату. Весь результатъ развитія промышленности идетъ въ пользу рабочихъ. Стачкою и забастовкою можно капиталиста заставить пойти на разныя жертвы. Но это побѣда непрочная и нездоровая. Капиталъ начинаетъ бояться идти въ дѣло и въ концѣ концовъ остаются безъ работы и разсоряются рабочіе. Небольшая часть останется на повышенной платѣ, а большинство очутится на улицѣ. Это-ли выигрышъ?

„Друзья мои! Экономическіе законы не нами выдуманы и нарушать ихъ безнаказанно нельзя. Разъ начинается борьба между капиталомъ и трудомъ,—конецъ одинъ и другого быть не можетъ: разсореніе рабочаго, разсореніе всей промышленности, дороговизна товаровъ, выгода только для иностранныхъ фабрикантовъ. Этого-ли должны мы добиваться? Вотъ, почему я долженъ прекратить эту борьбу въ самомъ корнѣ. Прочь всѣ эти ваши союзы, профессіональныя организаціи и прочее! Интересы рабочаго должны и будутъ защищать законъ и правительство, а не разные проходимцы, которые вкрадываются въ ваше довѣріе и бунтуютъ васъ. Есть заводчики своекорыстные, желающіе эксплуатировать рабочаго. Единственное отъ нихъ огражденіе рабочаго—законъ. Законъ долженъ обезпечить и рабочіе часы, и безопасность рабочаго, и охрану его здоровья, и хорошую квартиру, и пищу, и страхованіе отъ несчастій, и школу дѣтямъ, и пенсію на старость. Законъ, и никто другой, долженъ обезпечить полную свободу какъ предпринимателю, такъ и рабочему. Я считаю стачки рабочихъ столь же недопустимыми и преступными, какъ и всякіе синдикаты хозяевъ, союзы и локауты. И я твердой рукой водворю у васъ законность, и первые же рабочіе скажутъ за это спасибо.

„А затѣмъ, господа, мое послѣднее слово. Революція и всякія безобразія кончены и ни о чемъ подобномъ не можетъ быть болѣе рѣчи. Всякую попытку бунта я раздавлю твердой рукой и не остановлюсь передъ самыми рѣшительными, самыми жестокими мѣрами. Вы, рабочіе—

только ничтожная часть русскаго народа и не вамъ распоряжаться судьбами Россіи. Ваша сила—кучность, толпа. Но Россія еще вооружена и армія свой долгъ исполнитъ. Поэтому скажите вашимъ, что не должно быть и мысли о какихъ-нибудь демонстраціяхъ или выступленіяхъ. Шутить я не буду. Гоните въ шею всякихъ вашихъ ораторовъ и агитаторовъ и мирно, дружно, любовно за работу! Надо во что-бы то ни стало успокоить столицу и возвратить всеобщее довѣріе".

Диктаторъ обратился къ группѣ фабрикантовъ и прибавилъ:

— Вы слышали, господа, что я говорилъ рабочимъ? Теперь мое слово къ вамъ: Будьте добры, сами, безъ понужденія установите добрые распорядки, пересмотрите и провѣрьте надежность вашего служебнаго персонала, чтобы не давать ни малѣйшаго повода къ какимъ-нибудь жалобамъ. А главное, примите мѣры, чтобы поставить на работу несчастныхъ, выбитыхъ изъ колеи, безработныхъ. За спокойствіе, порядокъ и свободу труда я отвѣчаю вполнѣ, прошу мнѣ въ этомъ вѣрить.

Генералъ-адъютантъ Ивановъ сдѣлалъ общій поклонъ и тронулся къ выходу.

XI.

Императорскому Уполномоченному были отведены аппартаменты въ Зимнемъ Дворцѣ. Къ его возвращенію изъ Думы въ пріемной дожидались вызванные графъ Витте, начальникъ Главнаго Управленія Печати Бельгардъ, Военный министръ и командиры полковъ вмѣстѣ съ другими начальниками отдѣльныхъ воинскихъ частей Петербургскаго гарнизона.

Диктаторъ сердечно пожалъ руки министру и военнымъ товарищамъ.

— Располагайтесь, господа, курите, бесѣдуйте. Мнѣ надо нѣсколько минутъ переговорить, вотъ, съ этими господами и затѣмъ мы устроимъ небольшое совѣщаніе. Графъ Витте, пожалуйте.

Уполномоченный и отставной предсѣдатель Совѣта Министровъ прошли въ кабинетъ.

— Я вамъ очень признателенъ, генералъ,—началъ графъ Витте,—что вы изволили меня вызвать. Радъ буду вамъ помочь, чѣмъ могу. Мой опытъ, мои знанія, все къ вашимъ услугамъ.

— Очень сожалѣю, что не придется ими пользоваться,—сухо остановилъ Витте диктаторъ.—Я вызвалъ васъ не за этимъ...

Витте поблѣднѣлъ.

— Я считаю васъ родоначальникомъ и главною пружиною революціоннаго движенія въ Россіи. Какъ министръ финансовъ, вы вашею политикой раззорили Россію и подготовили то положеніе вещей, въ которомъ застала насъ Японская война. Вы развратили все правительство, печать, общество, вы убили народную честь и совѣсть. Въ Портсмутѣ вы заключили преступный миръ и предали Россію и, наконецъ, какъ глава правительства, вы устроили рядъ революціонныхъ выступленій,

чтобы вырвать у Государя несчастный манифестъ 17 октября. Все это, взятое вмѣстѣ, даетъ такую ужасную картину измѣны и предательства, что я затрудняюсь придумать для васъ достойную казнь. Я умолялъ Государя разрѣшить мнѣ предать васъ Верховному суду, какъ государственнаго измѣнника и съ васъ начать очищеніе Россіи. Къ несчастію, Государь не далъ на это своего согласія. Все, на что онъ меня уполномочилъ, это предложить вамъ немедленно и навсегда покинуть Россію. Преклоняюсь передъ безконечною добротой Государя и даю вамъ сроку.. сколько вы желаете?

— Простите, генералъ,—произнесъ Витте, уже успѣвшій нѣсколько оправиться отъ перваго впечатлѣнія.—Я этому рѣшенію подчиниться не могу. Я не чувствую за собой ни одной изъ тѣхъ винъ, въ которыхъ вы меня обвиняете. Я дѣйствовалъ по чувству долга, по совѣсти и крайнему разумѣнію. Кромѣ того, каждый мой шагъ бывалъ всегда извѣстенъ Его Величеству и имъ одобренъ. Я требую надъ собою суда и на этомъ судѣ, кого-бы вы моими судьями ни поставили, сумѣю оправдать каждый свой шагъ.

— Вплоть до послѣднихъ бомбъ въ печахъ, не правда-ли? Да, я понимаю вашу мысль. Вы, очевидно, запаслись документами, въ родѣ пресловутаго журнала засѣданія въ Царскомъ Селѣ, когда рѣчь шла о занятіи Портъ-Артура. Вы хотите сдѣлать Государя участникомъ вашихъ преступленій, другими словами, свалить все на Него. О, разумѣется, вы, какъ истинный бюрократъ, на каждомъ шагу устраивали себѣ надежное прикрытіе. Но повѣрьте мнѣ, я-бы этого не побоялся. Я сумѣлъ-бы показать, какъ вы обманывали Государя и подготовляли Его волю къ тѣмъ актамъ, которые были вамъ нужны. Вы разсчитываете на евреевъ и на нашу революціонную печать. Да, вы, пожалуй, правы; вы устроили бы себѣ грандіозное торжество, новую и огромную рекламу. Какой цѣной—вамъ это все равно. Нѣтъ, Государь это хорошо взвѣсилъ: вамъ этого торжества давать нельзя. Такъ вотъ-съ, какой срокъ угодно вамъ назначить?

— А если я не поѣду?

— Вы будете арестованы немедленно, прямо отсюда. Я, господинъ Витте, не затѣмъ пригласилъ васъ, чтобы шутить, или терять слова на вѣтеръ. Я васъ не боюсь и справиться съ вами сумѣю. И если я васъ арестую, то повѣрьте, васъ уже никакая сила не освободитъ.

— Хорошо,—подумавъ немного, отвѣчалъ Витте.—Я подчиняюсь волѣ Государя. Черезъ двѣ недѣли я уѣду.

— О нѣтъ! Это слишкомъ долгій срокъ. Самое большее—черезъ три дня. Это мое послѣднее слово. Затѣмъ съ вами отправится мой адъютантъ, которому вы будете добры передать документы, вотъ, по этому списку.

Витте бѣгло просмотрѣлъ бумажку и съ ненавистью произнесъ:

— О, какая тонкая мстительность! Отъ меня требуютъ выдачи моего единственнаго оправданія передъ исторіей. Но если тамъ такъ дорожатъ

историческими свидѣтельствами, то позвольте-же и мнѣ дорожить своею репутаціею!

— Ваша исторія, графъ, давно уже написана. Ее не передѣлаешь...

— Нѣкоторыхъ изъ указанныхъ здѣсь документовъ у меня нѣтъ...

— Они у васъ.

— Да, но не здѣсь. Было время, когда я ждалъ обыска и нѣкоторые документы долженъ былъ сдать въ вѣрное мѣсто.

— Вы ихъ возьмете и доставите къ 12 часамъ завтра.

Ивановъ позвонилъ и сказалъ вошедшему адъютанту:

— Вы отправитесь съ графомъ Витте и получите отъ него документы по этому списку, часть разрѣшаю получить завтра. Затѣмъ помните мою инструкцію. Надѣюсь, что все будетъ въ порядкѣ. Графъ, честь имѣю кланяться. Попросите г. Бельгарда.

XII.

Вошелъ добродушный толстякъ начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ Печати. Диктаторъ радушно подалъ руку и посадилъ его противъ себя.

— Какъ быть съ печатью?—началъ онъ.—Это главная сила и главное орудіе смуты.

— Совершенно вѣрно.

— Пока будетъ существовать анархистская и вообще революціонная печать, ни о какомъ успокоеніи умовъ нечего и думать.

— Совершенно вѣрно.

— Неужели нѣтъ возможности бороться?

— Мы и боремся, но при существованіи нынѣшнихъ „Временныхъ правилъ“ наша борьба—это ловля вѣтра въ полѣ.

— Понимаю, понимаю. Нуженъ серіозный законъ о печати, а этотъ господинъ (диктаторъ указалъ на дверь) умышленно связалъ правительству руки.

— Да. И мастерски связалъ. Пока дѣйствуетъ чрезвычайная охрана или военное положеніе, борьба еще кое-какъ возможна. Но въ обыкновенныхъ условіяхъ подѣлать ничего нельзя.

— Какъ вамъ представляется это дѣло? Есть возможность выработать скоро законъ о печати?

— Теперь во всемъ такая путаница. Комиссія Кобеко кое-что выработала, да все это очень безтолково.

— Я прошу васъ высказаться совершенно откровенно относительно моей идеи, которую я хотѣлъ бы положить въ основу закона о печати. Дѣло вотъ въ чемъ. Коренная ошибка всякаго законодательства о печати заключается въ томъ, что для законодателя нѣтъ литератора, нѣтъ писателя, а есть отвлеченный гражданинъ. Другими словами, подъ одинъ законъ подводятъ Каткова, Аксакова, Суворина, Стасюлевича и всякаго безграмотнаго писаря или жиденка, которому вздумается издавать газету.

Ясно, что на такомъ принципѣ никакого закона создать нельзя. Вы даете просторъ Каткову и этимъ пользуется всякій гадъ. Вы пишете законъ для гада и душите Каткова. Думаю, что это ясно. Теперь взгляните, какая страшная сила—политическая ежедневная газета. Никакая каѳедра не сравнится по значенію. Неужели-же любой прохвостъ, могущій подписать заявленіе и внести гербовый сборъ, имѣетъ право занимать эту каѳедру? Да вѣдь это-же вопіющій абсурдъ!

— Старый законъ этого не допускалъ.

— Старый законъ отдавалъ писателя на судъ чиновника и кончилъ тѣмъ, что убилъ независимую печать и расплодилъ литературнаго негодяя и хама. Дѣло не въ концессіи, а въ томъ, кто и почему ее даетъ. Законъ долженъ опредѣлить писателя, публициста, выдѣлить его изъ толпы и ему дать полную свободу слова, а толпу отстранить. Здѣсь не должно быть мѣста произволу чиновника, а ясный и опредѣленный цензъ. Для публициста онъ долженъ быть троякій: обще-гражданскій, т. е. добропорядочность, несудимость и т. д., писательскій, т. е. прежнія литературныя работы и, наконецъ, нравственный, т. е. незапятнанная личность. Самый трудный вопросъ въ томъ, кто долженъ все это провѣрить и давать на газету разрѣшеніе. Наилучшая гарантія правильной провѣрки—ея публичность. Это должно быть нѣчто въ родѣ защиты диссертаціи, послѣ которой факультетъ признаетъ соискателя достойнымъ. Но какой „факультетъ“ является для этого компетентнымъ? Очевидно, роль факультета должна играть здѣсь коллегія выдающихся литераторовъ. Если образовать такой постоянный трибуналъ изъ людей, имѣющихъ въ литературѣ почтенныя имена, ему можно будетъ довѣрить не только провѣрку правъ желающихъ стать редакторами ежедневныхъ политическихъ газетъ, но и судебныя функціи, напримѣръ, дѣла объ окончательномъ прекращеніи изданій. Что вы на это скажете?

— Этотъ вопросъ надо разработать.

— И какъ можно скорѣе,—добавилъ диктаторъ.—А пока необходимо принять мѣры къ очисткѣ печати на почвѣ существующаго закона, или, если это невозможно, придется отмѣнить или дополнить Временныя правила. Думаю, что опытъ у васъ уже имѣется достаточный и проектировать нужныя немедленно измѣненія вы не затруднитесь.

— Разумѣется.

— Затѣмъ подумайте: нѣтъ ли какого-нибудь способа устранить изъ печати еврея? Вѣдь главная доля печатной заразы принадлежитъ еврейскимъ сотрудникамъ и корреспондентамъ. Нельзя ли брать съ редакцій какія нибудь подписки, что-ли? Вѣдь пока евреи руководятъ печатью, она никогда не сдѣлается ни чистой, ни честной, ни патріотичной.

— Это очень трудный вопросъ, ибо его никакъ не формулируешь. Вы можете устранить еврея номинально, но не устраните фактически. Онъ будетъ писать анонимно. А затѣмъ и между русскими всегда найдутся люди, которые за деньги дадутъ свою подпись и фирму.

— Да! единственное спасеніе печати—это выдача разрѣшеній на газеты только истиннымъ уважающимъ себя писателямъ. Другого средства нѣтъ.

XIII.

Бельгардъ откланялся и въ кабинетъ диктатора направились Военный министръ Редигеръ и вызванные командиры воинскихъ частей, ожидавшіе въ залѣ. Началось совѣщаніе, имѣвшее предметомъ отчетъ о состояніи духа Петербургскаго гарнизона, о готовности войскъ исполнить въ критическую минуту долгъ присяги, объ офицерскомъ и командномъ составѣ и главнымъ образомъ о противодѣйствіи анархистской пропагандѣ и о нравственномъ возрожденіи арміи, расшатанной и поникшей духомъ послѣ безславной войны.

Тѣмъ временемъ Петербургъ волновался сверху до низу. Былъ сдѣланъ слишкомъ крутой и рѣзкій шагъ, полагавшій границу всякимъ уступкамъ и колебаніямъ власти. Нашелся человѣкъ, которому Государь ввѣрилъ всю полноту Своей державной власти и поручилъ успокоить Россію и единою своею волей прекратить смуту и двинуть государство на новый путь. Вчера еще этого человѣка никто не зналъ, сегодня онъ уже повелѣваетъ всѣми, даетъ тонъ всей государственной жизни. Безъ всякихъ внѣшнихъ эффектовъ, безъ красивыхъ фразъ, въ рѣчахъ диктатора почувствовалась единая мысль и желѣзная воля. Разсказы передавали о первыхъ разговорахъ министровъ съ явными преувеличеніями. Его фигура выростала съ часу на часъ въ нѣчто таинственное, почти гигантское. Корреспонденты свои и иностранные метались по сановникамъ и осаждали телеграфъ. Депутаты Думы, предчувствуя развязку, шумѣли въ своихъ клубахъ и фракціяхъ. Русское собраніе стало самымъ бойкимъ и оживленнымъ центромъ Петербурга. Въ Союзѣ Русскаго Народа шли таинственныя совѣщанія, комментировались слова неодобренія, будто-бы сказанныя диктаторомъ по адресу этого учрежденія. Стоустая молва подхватывала слухи и говорила о роспускѣ Союза, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. Учащаяся молодежь, переполняющая Петербургъ, волновалась, какъ никогда раньше, но въ дѣйствіяхъ революціонной части петербургскаго населенія чувствовалась растерянность и не хватало единства. Войска и полиція были на чеку, готовые предупредить малѣйшее „выступленіе“. Ожидали самыхъ необыкновенныхъ событій, но толкомъ никто ничего не зналъ и эта таинственность возбуждала умы и поднимала общественную атмотферу.

Вечернее прибавленіе къ „Правительственному Вѣстнику“ принесло нѣсколько „Приказовъ Императорскаго Уполномоченнаго“, разразившихся, какъ ударъ грома.

Въ одномъ изъ приказовъ сообщалось, что академическая автономія не принесла ожидаемыхъ результатовъ, а потому, впредь до предположенной коренной реформы высшихъ учебныхъ заведеній, отмѣняется.

Второй приказъ гласилъ объ исключеніи всѣхъ евреевъ-студентовъ и вольнослушателей, какъ организаторовъ и руководителей смуты, и о высылкѣ таковыхъ изъ Петербурга въ мѣста осѣдлости въ теченіе ближайшихъ трехъ дней.

Это былъ ударъ въ самое больное мѣсто „освободительнаго движенія“ и ударъ неслыханно смѣлый. Чтобы отважиться тронуть евреевъ, нужна была большая рѣшимость и полная увѣренность въ своей силѣ. Но диктаторъ пошелъ еще дальше и въ третьемъ приказѣ бросилъ самый страшный вызовъ всей передовой дружинѣ революціи. Приказъ гласилъ, что съ Высочайшаго соизволенія пріостанавливается дѣйствіе закона объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія и что къ таковому могутъ присуждать военно-полевые суды за проступки, гдѣ смертная казнь была бы слишкомъ несоотвѣтствующимъ возмездіемъ. Одновременно расширялась компетенція военно-полевыхъ судовъ по цѣлому ряду революціоннаго характера преступленій, застигнутыхъ на мѣстѣ. Сюда относились между прочимъ стачки, всякаго рода революціонныя демонстраціи, сопротивленіе властямъ, уличныя насилія и т. п. За все это категорически предписывались—розги.

Передавали слышанное кѣмъ-то будто-бы подлинное выраженіе диктатора: „ваша революція такъ глупа и такъ грязна, что казнь для ея героевъ слишкомъ большая честь; довольно и простой порки“. Были-ли эти слова произнесены или нѣтъ, провѣрить было невозможно, но эта мѣра вызывала особенное бѣшенство среди молодежи и революціонной интеллигенціи, какъ явное надругательство надъ „великой“ революціей и полное къ ней презрѣніе. Но эта злоба была тѣмъ болѣе безсильна, чѣмъ больнѣе былъ ударъ; чувствовалось въ атмосферѣ, что приказъ попалъ въ цѣль и что революція имъ дѣйствительно уничтожена и осмѣяна. Трезвые и благоразумные голоса высказывались очень смѣло и опредѣленно: „вотъ, это дѣло,—давно-бы такъ“.

Вечеръ прошелъ въ совѣщаніяхъ диктатора съ выдающимися государственными и общественными дѣятелями. Генералъ-адъютантъ Ивановъ искалъ себѣ по мысли министра финансовъ, но увы, ни между „сановниками“, ни среди казенныхъ профессоровъ не могъ найти.

XIV.

Участь Государственной Думы была въ сущности рѣшена съ назначеніемъ ген. ад. Иванова. Онъ былъ слишкомъ военный и слишкомъ здравомыслящій человѣкъ, чтобы не понимать всю кричащую нелѣпость затѣи графа Витте: въ странѣ, насквозь возбужденной и перебунтованной, сорокъ лѣтъ лишенной всякаго проблеска общественной и политической жизни, ненавидящей правительство, какъ символъ безсмысленнаго гнета и духоугашенія, устроить политическіе выборы, привлечь къ урнамъ не только культурное сравнительно русское и польское общество, но и никакого понятія о государственномъ дѣлѣ не имѣющее

крестьянское населеніе, но и всякую безграмотную и безтолковую инородчину до Тунгузовъ и Якутовъ включительно, широко снабдить весь этотъ конгломератъ надлежащими орудіями агитаціи и соблазна, поставить во главѣ безчисленной красной печати Евреевъ и всякихъ соціалистовъ и анархистовъ и ждать, чтобы изъ этого дикаго шабаша вышло 500 законодателей, „богатырей“ и „лучшихъ людей“ Земли! Это было очевидное безуміе, которое и выразилось въ первой Думѣ. Но правительство не остановилось послѣ этого перваго опыта и пожелало его повторить. Получилась та же орда варваровъ, захватившая большинство парламента, и вся разница съ первой Думой была лишь та, что съ невѣроятными усиліями удалось кое-гдѣ провести небольшую сравнительно группу правыхъ и умѣренныхъ.

Первымъ сердечнымъ движеніемъ диктатора было поэтому желаніе демонстративно распустить Думу, отмѣнить все наше новое парламентарное устройство и объявить созывъ Земскаго Собора, которому и предложить переработанные заново основные законы съ раздѣленіемъ Россіи на крупныя области и послѣдовательно проведеннымъ самоуправленіемъ. Но здѣсь являлось препятствіе нравственнаго свойства. То, что было такъ легко сдѣлать послѣ первой Думы, послѣ созыва второй немогло не компрометтировать Верховную Власть. Чѣмъ можно было бы въ этомъ случаѣ объяснить эту слѣпую вѣру правительства въ совершенно непригодную для Россіи форму народнаго представительства? Зачѣмъ понадобился этотъ злополучный второй опытъ, когда уже и перваго было черезчуръ достаточно, чтобы убѣдиться въ сдѣланной ошибкѣ?

Эти соображенія, при желаніи во что-бы то ни стало поднять и укрѣпить пристижъ Верховной Власти, связывали диктатору руки по отношенію второй Государственной Думы и не позволяли ее немедленно разогнать, какъ это ни было необходимо въ интересахъ общественнаго порядка и спокойствія. Въ самомъ дѣлѣ, лѣвая сторона Думы представляла собою готовый главный штабъ революціи. Мятежныя организаціи соціалистовъ и трудовиковъ поддерживали самыя тѣсныя сношенія съ провинціальными революціонными кружками, своими корнями все болѣе и болѣе опутывавшими деревню и волновавшими крестьянство. Разростался голодъ, росла цѣна на хлѣбъ, печать изо-дня въ день помѣщала зажигательныя статьи и къ веснѣ можно было ждать возобновленія безпорядковъ и мятежей. Все это можно было предупредить только разгономъ Думы и возстановленіемъ твердой власти, не знающей никакихъ колебаній. И отъ всего этого пока приходилось отказываться, чтобы не давать на посрамленіе Царскаго имени и скрѣпя сердце исполнять существующій, хотя и ошибочный законъ.

И вотъ, Ивановъ рѣшилъ сдѣлать попытку составить въ Думѣ, хотя-бы и искуственно, нѣкоторое благоразумное большинство, которому бы было можно предложить соотвѣтственно измѣненный законъ о выборахъ. Расположеніе думскихъ партій допускало такую комбинацію: если бы къ

правымъ и октябристамъ примкнули кадеты и поляки, это дало-бы правительству перевѣсъ и позволило-бы рискнуть на внесеніе новаго избирательнаго закона, устранявшаго изъ парламента улицу, уничтожавшаго совершенно несправедливое преобладаніе крестьянства и передававшаго избирательные голоса въ руки болѣе культурныхъ классовъ.

Вопросъ сводился, очевидно, только къ согласію кадетъ. За поляковъ диктаторъ былъ спокоенъ. Областное дѣленіе, давая Польшѣ широкое мѣстное самоуправленіе, отвѣчало въ значительной мѣрѣ ихъ мечтамъ объ автономіи и, кромѣ того, поляки уже и безъ того показали себя совершенно чуждыми революціонной лѣвой. Оставались кадеты.

Диктаторъ хорошо понималъ всю трудность задачи — оторвать эту группу отъ лѣвыхъ „товарищей“. Но съ другой стороны онъ совершенно не вѣрилъ въ искренность кадетскаго демократизма и отлично зналъ, на чемъ онъ построенъ. Безъ этого демократизма, безъ самаго безшабашнаго заигрыванія съ лѣвыми, кадеты потерпѣли-бы на выборахъ пораженіе, совершенно такое-же, какъ мирнообновленцы. Ихъ прошло-бы едва нѣсколько человѣкъ. Пока выборы въ Думу обставлены такъ, какъ сейчасъ, кадеты измѣнить своей тактики не могутъ. Но теперь отъ ихъ собственнаго согласія зависѣло передѣлать выборный законъ и обезпечить себя отъ необходимости ухаживанья за революціонною улицей. Что же касалось главнаго стремленія кадетскихъ главарей пробиться къ министерскимъ портфелямъ, удовлетворить этому желанію было совсѣмъ не трудно. Пусть только кадеты окончательно и безповоротно разойдутся съ соціалистами, ихъ либерализмъ не будетъ стоять въ противорѣчіи съ русской государственностью и изъ нихъ могутъ выйти отличные практическіе дѣятели.

Въ виду этого диктаторъ рѣшилъ войти въ переговоры съ лидерами кадетской партіи и прежде всего съ Милюковымъ.

XV.

Вызовъ въ Зимній Дворецъ Милюкова одновременно съ появленіемъ грозныхъ приказовъ диктатора произвелъ въ Петербургѣ сенсацію необыкновенную.

Диктаторъ встрѣтилъ главу кадетъ чрезвычайно любезно.

— Вы удивлены моимъ приглашеніемъ?

— Ваше превосходительство вполнѣ правы. Что можетъ быть общаго между мною и моими единомышленниками и товарищами и вами послѣ сегодняшихъ вашихъ приказовъ? Мы отлично сознаемъ, что сила въ вашихъ рукахъ и спокойно готовимся ко всякимъ случайностямъ. Я не могу себѣ даже представить, какая можетъ быть у васъ почва для разговора съ нами? Не затѣмъ же вы меня вызвали, чтобы говорить о погодѣ..

— Ну, разумѣется. Но я думаю, что между нами разговоръ не только возможенъ, но и разговоръ весьма содержательный и плодотворный. Я буду совершенно откровененъ и прошу отъ васъ того-же.

— Я весь вниманіе.

— Насколько я понимаю васъ и вашу группу, вы боретесь противъ бюрократическаго самовластія и полагаете, что можете достичь вашей цѣли установленіемъ въ Россіи конституціоннаго режима по западному образцу и конечно, въ самой совершенной, т.-е. самой либеральной формѣ?

— Вы опредѣлили вѣрно.

— Скажите: изъ двухъ опытовъ съ Думой вы не вынесли заключенія, что парламентаризмъ въ Россіи невозможенъ и что работоспособной Думы получить нельзя?

— Нѣтъ, не вынесъ. Намъ не хватаетъ истинно демократическаго избирательнаго закона...

— Т.-е. всеобщей, равной, тайной? Да, но тогда выборы были-бы еще менѣе сознательны и парламентъ еще безсмысленнѣе.

— Всякій парламентъ предполагаетъ борьбу партій и господство одной изъ нихъ. При всеобщемъ голосованіи партіи организуются и будутъ работать наиболѣе совершенно.

— Боже мой, все это доктрина, книга! Ну, а совсѣмъ безъ партій вы не предполагаете возможнымъ устроеніе государства?

— Современнаго—нѣтъ.

— Послушайте, я смотрю шире вашего. Вы хотите отдать бюрократію подъ контроль народнаго представительства, т.-е. партій. Я хочу вовсе упразднить бюрократію и все основать на самоуправленіи. Неужели это не шире? А главное, вѣдь именно въ этомъ нашъ національный историческій путь. Наше государство выросло не на борьбѣ и не изъ борьбы. Но для васъ все это „славянофильство“, котораго вы не любите. Поэтому я выскажу мою мысль въ практической формѣ и тогда вамъ легче будетъ сказать, да или нѣтъ. Вообразите себѣ, что Россія раздѣлена на большія области, въ своемъ мѣстномъ управленіи вполнѣ самостоятельныя. Области эти составляютъ государственное единство съ Царемъ во главѣ. Царь окруженъ только выборными отъ областей. Никакого бюрократическаго аппарата внѣ участія и контроля этихъ выборныхъ нѣтъ и за центромъ оставлены только строго опредѣленныя государственныя задачи. Можетъ-ли такой Царь оставаться самодержавнымъ или необходимы конституціонныя ограниченія?

— Я не могу допустить неограниченной монархіи—это абсурдъ.

— Ну, хорошо. Мы объ этомъ спорить не будемъ. Пусть основные законы устанавливаетъ ограниченія, хотя-бы напримѣръ, въ видѣ обязательства для Царя соблюдать эти основные законы. Его роль верховной совѣсти, верховнаго суперарбитра отъ этого не мѣняется. Что вы можете имѣть противъ этой схемы?

— Я не могу ее себѣ представить въ дѣйствіи. Я думаю, что это нѣчто фантастичное.

— Да, господа, трудно вамъ отдѣлаться отъ шаблоновъ. Но я

опять возвращусь къ практикѣ и тогда вы меня лучше поймете. Я хочу вотъ, чего: пусть ваша партія соединится въ этомъ вопросѣ съ октябристами и правыми. Тогда лѣвые будутъ изолированы и правительство внесетъ законопроектъ о пересмотрѣ основныхъ законовъ.

— Что-же вы предложите?

— Во-первыхъ, полную схему самоуправленія, начиная снизу, съ прихода.

— Съ прихода? Вы хотите вѣроисповѣдную единицу?

— Съ территоріальнаго прихода для вѣроисповѣднаго большинства, твердо отвѣтилъ диктаторъ. При свободѣ и покровительствѣ всѣмъ вѣроисповѣданіямъ ни о какихъ стѣсненіяхъ здѣсь рѣчи быть не можетъ. Затѣмъ пойдетъ организація самоуправляющагося уѣзда. Уѣзды соединятся въ области, гдѣ также будетъ проведено самое широкое самоуправленіе. Наконецъ, выборные отъ областей на основаніи извѣстнаго служебнаго ценза составятъ изъ себя высшія государственныя учрежденія и спеціальные совѣты. Все высшее государственное управленіе будетъ исключительно въ рукахъ выборныхъ земскихъ людей, даже хозяйственная часть арміи. Чиновникъ, какъ власть, будетъ совершенно упраздненъ. Неужели это не шире и не жизненнѣе западнаго парламентаризма со всею его ложью и со всѣми его мерзостями? Неужели ваше русское чувство не подсказываетъ вамъ, что вотъ, это и будетъ нашъ искомый и желанный типъ государства? Да развѣ такое необъятное государство, какъ Россія, можетъ управляться иначе? Вѣдь вы же сами видите, что Россія гибнетъ и другого средства для ея спасенія нѣтъ? Скажите-же вашъ отвѣтъ!

— Что я могу отвѣтить вашему превосходительству? У нашей группы политическіе идеалы и воззрѣнія являются достаточно установившимися, чтобы отъ нихъ отказываться ради какихъ-то фантастическихъ построеній. Я не могу дать вамъ отвѣта даже за себя, да мое личное мнѣніе вамъ едва ли и интересно.

— Прибавлю вамъ, что эту схему я считаю единственно вѣрною и спасительною, и я вѣрю, что въ этомъ меня оправдаетъ общій голосъ народа, который я сумѣю вызвать. Если я теперь пригласилъ васъ, то только потому, что мнѣ не хочется прибѣгать къ такимъ крайностямъ, какъ распущеніе Думы. Отъ васъ зависитъ помочь мнѣ всего этого достичь мирно и планомѣрно.

XVI.

Разговоръ съ Милюковымъ не привелъ ни къ чему. Попытки столковаться съ другими главарями кадетской группы тоже. Эта партія не имѣла мужества порвать съ лѣвыми и дать нужное большинство для мирнаго разрѣшенія вопроса. Оставалось дѣйствовать, тѣмъ болѣе, что со всѣхъ сторонъ поступали донесенія губернаторовъ о томъ безобразно вредномъ вліяніи, которое производили стенографическія

записи лѣвыхъ рѣчей, широко распространявшіяся въ темной средѣ крестьянства.

Диктаторъ не считалъ достойнымъ правительства и себя подъискивать предлогъ къ роспуску Думы, или искусственно вызывать конфликтъ. Онъ рѣшилъ закрыть Думу лично, въ простой, но торжественной формѣ, среди обыкновеннаго засѣданія и безъ малѣйшихъ полицейскихъ или военныхъ предосторожностей. Ген.-адъютантъ Ивановъ слишкомъ вѣрилъ въ силу своей воли и твердо зналъ русскую психологію. Революція существовала только вслѣдствіе страха передъ нею.

Шелъ третій день съ назначенія Иванова Уполномоченнымъ. Въ кулуарахъ Государственной Думы господствовало страшное возбужденіе по поводу вчерашнихъ приказовъ диктатора, но въ первый разъ обнаруживался въ рядахъ лѣвыхъ коренной расколъ и крестьяне, самые, повидимому, крайніе оставались въ еврейскомъ вопросѣ очень равнодушными. Многіе изъ нихъ говорили даже довольно откровенно, что приказы хороши и что какъ евреевъ, такъ и безобразничающую молодежь давно пора сократить. Главари выбивались изъ силъ сплотить крестьянъ на активный протестъ, но тѣ упорно твердили, что ихъ интересуетъ только земля и воля, и не выражали желанія рисковать Думой изъ-за того, что изъ Петербурга вышлютъ сотню-другую жидовъ, или „пропишутъ“ кому нибудь тѣлесное нравоученіе. Съ другой стороны самый фактъ назначенія Императорскаго Уполномоченнаго съ огромными правами, почти равными Царскимъ, производилъ сильнѣйшее впечатлѣніе и парализовалъ всякую охоту къ борьбѣ. За эти два дня репутація человѣка, абсолютно безстрашнаго и съ желѣзной волей, успѣла настолько укрѣпиться за Ивановымъ, что у революціонныхъ элементовъ явно опускались руки. Эта-же наличность возродившейся столь неожиданно новой твердой власти производила могущественное впечатлѣніе на простого мирнаго обывателя и онъ рѣшительно поднималъ голову и готовъ былъ даже выражать удовольствіе.

Засѣданіе Думы шло сумрачно и вяло, когда къ Таврическому Дворцу подъѣхала коляска Уполномоченнаго, сопровождаемаго небольшимъ казацкимъ конвоемъ.

Въ залѣ водворилась мертвая тишина, когда вошелъ диктаторъ. Правая сторона и часть центра встали. Начали вставать отдѣльные депутаты и между лѣвыми. Не спѣша, подошелъ Ивановъ къ епископамъ Платону и Евлогію и принялъ благословеніе. Затѣмъ приблизился къ трибунѣ предсѣдателя и тихо сказалъ нѣсколько словъ.

Головинъ блѣдный, какъ полотно, поднялся съ мѣста.

— Слово принадлежитъ Верховному Уполномоченному Его Императорскаго Величества. Слагаю съ себя предсѣдательство и прошу всѣхъ встать.

Головинъ сошелъ съ трибуны, а за нимъ поднялся диктаторъ, остановился и обвелъ взглядомъ залу. На крайней лѣвой десятка полтора депутатовъ продолжали сидѣть. Онъ направилъ туда пристальный взглядъ

и подъ этимъ повелѣвающимъ взглядомъ медленно и неохотно встало еще нѣсколько человѣкъ.

— Всѣхъ прошу встать,—тихо произнесъ Ивановъ и эти слова раздались по всѣмъ угламъ огромной залы, до того торжественна была тишина. Въ голосѣ диктатора чувствовалась отдаленная приближающаяся гроза.

— Съ Высочайшаго соизволенія объявляю вторую Государственную Думу закрытой.

Зала словно окаменѣла. На правой сторонѣ кто-то изъ депутатовъ провозгласилъ довольно неувѣренно:

— Государю Императору ура!

Этотъ крикъ былъ слабо поддержанъ правыми, но Ивановъ поднялъ руку и зала вновь стихла.

— Господа,—произнесъ спокойно диктаторъ. Мы переживаемъ великій историческій моментъ. Мнѣ было суждено своей слабой рукой повернуть страницу русской исторіи. Дай Богъ, чтобы это была послѣдняя страница страшнаго и позорнаго для Россіи Петербургскаго періода. Въ эту ужасную двухсотлѣтнюю полосу мы забыли Бога, исказили нашу исторію, развратили и обезличили нашъ великій и умный народъ. Разросшаяся язва чиновничества и канцелярщины убила въ насъ истинную свободу, самодѣятельность, человѣческое достоинство. Въ христіанской, доброй и мирной странѣ расплодилась ненависть, ослабѣло и исчезло національное чувство. Ложь и обманъ проникли насквозь нашу общественную жизнь и когда Россія была вызвана на великое испытаніе послѣдней войны, всѣ наши народныя и общественныя язвы раскрылись и у насъ не хватило ни стараго русскаго мужества, ни старой силы, ни патріотизма, чтобы отстоять честь и интересы Родины. Совершенно естественно и законно началось тотчасъ-же послѣ перваго позора наше освободительное движеніе. Велика и болѣзненна была народная обида и негодованіе на тѣхъ, кто привелъ Россію въ такое ужасное положеніе. Понятно, что и у правительства опустились руки, и оно, вчера еще грозное и самоувѣренное, вдругъ ослабѣло и безсильно заметалось, ища выхода. И вотъ, тутъ-то сказалось наше забвеніе истинныхъ народныхъ основъ, наше презрѣніе къ велѣніямъ родной Исторіи. Правительство сдѣлало послѣдній шагъ по ложному западному пути, по которому шло двѣсти лѣтъ и увѣнчало свои великія историческія ошибки послѣднею и самою тяжкой: было дано подобіе западной конституціи, дважды былъ собранъ западнаго типа парламентъ. Тѣмъ временемъ поднялись всѣ придавленныя и озлобленныя общественныя силы, легко возбудили оскорбленный, униженный и матеріально разоренный народъ и на глазахъ у всѣхъ Россія очутилась на краю пропасти.

Все это естественно и понятно, все это нужно было пережить, но пора-же наконецъ дать мѣсто и любви къ Родинѣ, и здравому русскому смыслу. Заглянемъ въ глубину нашихъ душъ, спросимъ нашу совѣсть, развѣ вотъ это наше собраніе обладаетъ необходимою мудростью, вѣрою

и нравственною силой, чтобы спасти и переустроить Россію? Огромное большинство васъ, господа, въ первый разъ слышите о тѣхъ важныхъ и безконечно сложныхъ государственныхъ работахъ, которыя предстоитъ исполнить. Можете-ли вы даже браться за нихъ? Но при этомъ еще добрая половина изъ васъ затуманена злымъ и ложнымъ ученіемъ соціализма, способнымъ только къ разрушенію и ненависти. А сколько между вами и чуждыхъ Россіи по духу людей, которымъ наша великая страна ничуть не дорога, ибо была доселѣ мачихой, а не матерью? Чего-же можно было ждать отъ васъ въ смыслѣ обновленія Россіи?

Мнѣ удалось получить согласіе Государя Императора закончить этотъ печальный опытъ русской конституціи и парламента. Разставаясь съ вами и распуская Государственную Думу, считаю своей обязанностью, какъ лицо, облеченное полнымъ довѣріемъ Монарха и всею полнотой государственной власти, сказать вамъ съ полной откровенностью, какой путь намѣченъ мною къ обновленію Россіи, чего наша Родина можетъ и должна отъ меня ждать, пока Богу угодно меня сохранить, а Царю мнѣ вѣрить и мою работу одобрять.

Ни о какомъ возвратѣ къ старымъ порядкамъ нѣтъ и не можетъ быть рѣчи. Это порядки ненавистны всѣмъ вамъ, еще болѣе ненавистны Государю. Въ основѣ этихъ порядковъ лежало бюрократическое самовластіе чиновника, презрѣніе и недовѣріе къ живымъ общественнымъ и народнымъ силамъ. Нашей задачей является постановка чиновника на свое служебное и отвѣтственное мѣсто и такая организація силъ общественныхъ и народныхъ, при которой Царь правилъ бы Россіей въ полномъ духовномъ единствѣ съ народомъ. Эта организація и есть нашъ главный, жизненный и неотложный вопросъ.

Дѣло это Верховной Властью поручено мнѣ. Оно распадается на двѣ, рѣзко разграниченныхъ и совершенно опредѣленныхъ задачи. Во-первыхъ, успокоеніе Россіи, во-вторыхъ, ея обновленіе.

Для первой задачи, заявляю это громко, я чувствую себя и подготовленнымъ, и достаточно рѣшительнымъ, и сильнымъ. Моя рука не дрогнетъ и умъ не смутится употребить всю огромную государственную мощь на возстановленіе и удержаніе порядка, и притомъ полнаго, безусловнаго, безъ всякихъ послабленій и колебаній. Я слишкомъ горячо люблю мою великую Родину, чтобы остановиться малодушно передъ самыми крутыми мѣрами, когда рѣчь идетъ не только о ея благѣ и спокойствіи, но и о всей будущности, о самомъ ея существованіи. Здѣсь я не спасую.

Что касается второй половины задачи — обновленія и возрожденія Россіи, вы имѣли-бы право считать меня послѣднимъ изъ безумцевъ, если бы я здѣсь отважился сдѣлать хоть одинъ шагъ на основаніи личной мысли, личныхъ взглядовъ и соображеній. Такое реформаторство, такое сочинительство, я считаю тягчайшимъ преступленіемъ. И если наша бюрократія заслужила нынѣшнюю всеобщую къ себѣ ненависть, то именно

за эту свою преступную повадку реформировать и сочинять, ни у кого не спросясь.

Дѣло нашего обновленія—дѣло разума всей Земли, дѣло ея совѣсти и правды, и я считаю здѣсь своей задачей одно:—вызвать этотъ подлинный голосъ Земли, дать просторъ великому мірскому Разуму. Не въ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ, а спокойно, кропотливо, цѣлыми годами придется перестраивать наше ветхое государственное зданіе, перестраивать во всѣхъ частяхъ. Безобразно управленіе, плохи финансы, разстроено просвѣщеніе, ослабла военная сила, все плохо, все ждетъ исправленія. И пусть же знаютъ всѣ, что эта работа начнется теперь-же, по всѣмъ частямъ; начнется лучшими силами, лучшими спеціалистами, какихъ только можетъ выдвинуть Россія, Но какъ-бы ни были эти люди свѣдущи и талантливы, какъ-бы ни была хороша ихъ работа, ни одна самая малая часть ея не будетъ поднесена къ подписи Царя и проведена въ жизнь безъ всенароднаго гласнаго одобренія. Никакого самовластія, никакого насилія, никакой неожиданности — вотъ, что будетъ девизомъ нашего новаго законодательства. Готовые законопроекты будутъ разсылаемы на обсужденіе земскихъ собраній, городскихъ думъ, сословныхъ собраній, биржевыхъ комитетовъ. Будутъ собраны, взвѣшены и распредѣлены всѣ мнѣнія, приняты въ соображеніе всѣ указанія. Исправленный и передѣланный согласно этому каждый законопроектъ будетъ вновь разосланъ на окончательное обсужденіе и только тогда, когда въ немъ воплотится и отразится вся народная мысль, со всѣхъ концовъ Россіи, тогда можно будетъ считать законъ созрѣвшимъ для утвержденія и осуществленія.

Разумѣется, на первую очередь будутъ поставлены: здравая экономическая политика и организація самоуправленія. Затѣмъ, когда Россія будетъ организована, не будетъ уже надобности въ такомъ сложномъ ходѣ законопроектовъ. Первымъ дѣломъ новой организаціи будетъ устройство достойныхъ великой Россіи законодательныхъ органовъ. Эти органы утвердить и поставитъ Великій Русскій Земскій Соборъ, которому будетъ предложена на послѣдній просмотръ вся огромная всенародная работа.

Вотъ, тотъ путь, господа, который мнѣ представляется единственнымъ правымъ, единственно спасительнымъ. И то правительство, которое честно и смиренно будетъ ему слѣдовать, не заслужитъ обвиненія въ насиліи и самовластіи. Моя личная задача будетъ: охранять этотъ путь, не допускать отъ него отступать, хранить свято завѣты величайшаго смиренія передъ народною мыслью и разумомъ.

Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что я считаю этотъ путь устроенія Россіи возможнымъ только при широчайшей общественной свободѣ, при полной гласности и при самой твердой охранѣ законности. Я страстно чту свободу, но свободу не для одной какой либо партіи или группы, а для всѣхъ, а такая свобода требуетъ строжайшаго общественнаго порядка. Я не менѣе страстный поклонникъ свободной мысли.

и эта свобода дается только при ясномъ сознаніи правды и важности высказываемаго, при отвѣтственности за всякое праздное или вредное публичное слово. Не забывайте, что печатное и живое слово является зачастую еще болѣе сильнымъ орудіемъ разрушенія, чѣмъ созиданія.

Въ заключеніе, господа, позвольте сказать вамъ, что вступая на новый путь, надо запастись любовью и добромъ. Повелѣвая мнѣ распустить Государственную Думу, Государь Императоръ приказалъ мнѣ передать вамъ, что Онъ даруетъ полное прощеніе и забвеніе всѣмъ политическимъ преступленіямъ. Это не значитъ, чтобы были немедленно освобождены всѣ тѣ, кто насильственно выбросился изъ рамокъ общественнаго порядка, или запятналъ свои руки кровью и насиліемъ. Это значитъ, что отнынѣ государственная власть будетъ смотрѣть на нихъ не какъ на преступниковъ, а какъ на болѣе или менѣе тяжко больныхъ, которыхъ надо лѣчить.

Я кончилъ, господа и смиренно прошу у васъ прощенія за тѣ горькія минуты, которыя намъ всѣмъ здѣсь пришлось пережить. Грѣхъ лежитъ на всѣхъ насъ. Простимъ же чистосердечно другъ другу, не затаимъ зла въ сердцахъ нашихъ и, вступая въ новую полосу русской исторіи, проникнемся миромъ и любовью и будемъ работать каждый на своемъ посту для блага Родины и во славу нашего Самодержавнаго Царя.

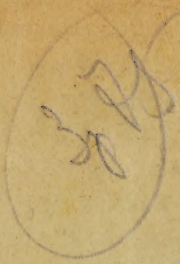
Диктаторъ отдалъ глубокій поклонъ собранію и тихо сошелъ съ трибуны.

* * *

Страница Русской исторіи была повернута безъ шума и крови.

Москва. Типографія „Русскій Голосъ“, (Н. Л. Казецкаго), Мясницкая, д. № 20.

И ЭТ
ЗУ



СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ.

МОСКВА, Б. Никитская, Мерзляковскій пер., д. Мора, Меблир. ком. Соколовой, № 7.

Москва. Типогра

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00034973495